

Семен Юшкевич

Поездка на Волнорез

Семен Юшкевич
Поездка на Волнорез

«Public Domain»

1907

Юшкевич С. С.

Поездка на Волнорез / С. С. Юшкевич — «Public Domain», 1907

«Море уже было близко: мы были у преддверия труда. Народу становилось всё больше. Мастерские, рабочие, чернорабочие подёнщики – сустились повсюду, каждый занятый своим делом, и дело подвигалось, несмотря на горячее пылавшее солнце, которое невыносимо жгло. Потом мы вдруг попали в полосу адского стука, шедшего из здания, где чинились пароходы, и нам казалось, что ради шуток сотни мальчиков бьют молотками по железным листам. Навстречу нам плелись биндюги, нагруженные камнем, и подле них, босые, с расстёгнутыми воротами рубах, шли погонщики, опустив глаза. Чуть быстрее бежали повозки с пшеницей, и их с криком догоняли извозчики. Справа и слева поднимались горы леса, кирпича, угля, а торговцы под зонтиками лениво дремали поджидая покупателей...»

© Юшкевич С. С., 1907

© Public Domain, 1907

Семен Соломонович Юшкевич

Поездка на Волнорез

Наступил счастливый день, так нетерпеливо ожидаемый нами. Это было как раз три недели спустя после выздоровления отца. Накануне бабушка под секретом открыла нам, что мы поедем на «Волнорез». Все страхи и весь интерес, вызванный Алёшей, уступили сумасшедшему желанию нового наслаждения и те тревожные вопросы, которые, подобно вдруг выросшим горам, стали на нашем пути, потеряли своё обаяние, точно они были не более как игрушки: позабавили и надоели.

Утром, за чаем, отец, как бы мимоходом, произнёс, обращаясь к матери:

– Кстати, Лиза, что это за пакеты я видел сегодня в гостиной?

– Какие пакеты? – равнодушно произнесла мать.

Мы наострили уши.

– Как какие? Обыкновенные пакеты. Какая-то сетка, кажется, и ещё кое-что.

– Не знаю, не видела, – всё также равнодушно поддерживала мама, – разве пойти посмотреть?

Бабушка улыбалась в чашку, из которой пила, и пальцами делала нам забавные знаки.

– Нет, я уже сам пойду, – раздался голос отца и, встав, он положил Коле дружески руку на плечо.

– Пойдём, Николай, посмотрим, что там, – произнёс он и вдруг, как бы что-то вспомнив, вскричал:

– Да ведь сегодня, Лиза, вторник! Ты им говорила? Павел Павлович, – торжественно обратился он ко мне, – сегодня мы едем на «Волнорез». Извольте приготовиться. Лиза, распорядись, пожалуйста, чтобы Андрей нанял лодку.

С этими словами он вышел и, озираясь и зовя нас руками, направился в гостиную.

Большое удовольствие доставляли нам его милые хитрости. Я шёл, переступая на цыпочках, а он всё оборачивался, точно уезжал от меня невесть куда, и лицо его было ребяческое, как у нас.

Гостиная наша – большая, светлая комната, не очень высокая, с тремя окнами на улицу. Если от окна отдёрнуть занавес, то в него видно море. Я ещё и теперь вижу перед собой эту уютную, старинную комнату, с её особенным запахом, с особенной мебелью, какую теперь уже не делают; вижу, хотя самого дома уже не существует с тех пор, как он перешёл в чужие руки. Как беспощадный враг налетели эти руки на наше старинное гнездо и всё разорили и перепортили в нём. Уничтожили гору, двор, наш флигель, и на его месте построили казармы...

Очень светлые обои с причудливыми рисунками делали гостиную приветливой, хотя убранство её было незатейливое. С правой стороны в конце комнаты стояло покрытое чехлом старое фортепьяно из красного дерева, на котором никто, кроме отца не играл, но и тот, не зная нот, играл по слуху, лишь двумя пальцами. Фортепьяно было очень старинное, имело свои особенности и капризы, известные лишь одному отцу, так что только ему удавалось извлекать из играющей половины клавишей нужные звуки. И когда мама снимала чехол с фортепьяно, и оно появлялось, точно раздетый человек, оголённое, красное, с разными украшениями, которые так не шли к нему; со всеми своими старческими пороками испорченного механизма, – я испытывал жгучий стыд, жгучую жалость к этому старому другу, бывшему одним из молчаливых свидетелей моего рождения, а позже убаюкивавшего меня своими хриплыми звуками. И мне хотелось опять надеть на него чехол, чтобы никто не видел его и не смеялся над этой отжившей жизнью.

В праздничные дни обыкновенно нас посещали старенькие тётушки, набожные и милые, и молодцы-дядюшки, живые, бодрые старички, беспрестанно нюхавшие табак и чихавшие.

Отец, очень любивший это старинное царство «гнездовых» людей, как он их называл, – торжественно приказывал прислуге освободить фортепьяно от чехла и усаживался перед ним на стуле, поставив ногу на действовавшую педаль и положив свои крепкие руки с короткими пальцами на колени. Молодцы-дядюшки усаживались по обеим сторонам отца и начинали беседовать, а он, глядя на жёлтые ущерblённые клавиши, похожие на большие испорченные зубы, утвердительно и поминутно кивал головой. В это время мать вставляла свечи в фортепьянные подсвечники, и это всегда всем мешало. Потом она усаживалась в стороне с сестрой своей, чудесной тётушкой Анной, и ласково глядела на крепкую фигуру отца. По неизвестно кем поданному знаку разговоры умолкали, и торжественность заполняла все углы, все лица... Отец несколько раз перемещал руки с колен на фортепьяно, с фортепьяно на колени и, наконец, перемигнувшись с дядюшками, начинал одним пальцем бить по высоким клавишам, отчего получался какой-то старинный, им одним известный романс. Когда романс достаточно определялся, отец подымал левую руку, и из всех пальцев один только мизинец, круглый и толстый, удостоивался чести аккомпанировать на басах. Играя и нажимая ногой не действовавшую педаль, которая точно от боли визжала под ударами, он беспрестанно подёргивал правой бровью, и всё это вместе шло удивительно кругло, не прерываясь и было приятно. В эти минуты я страшно любил его лицо, с опущенными на фортепьяно глазами, вечно искавшими и вовремя находившими нужную для романса клавишу. Потом он подтягивал мелодичным тихим голосом, а дядюшки, из которых теперь только один остался в живых, – дряблыми серыми голосками вторили ему, мурлыкая этот чувствительный старинный романс, который они некогда распевали здоровыми молодыми голосами, и лица их были сентиментальные и мрачные. Они вздыхали, перемигивались, вспоминая что-то, им одним известное, а когда отец переходил к «гопаку», они чудесно притоптывали чистенькими сапожками и мучили своё окостеневшее горло, чтобы оно издавало басистые звуки.

У другой стены стоял большой стол, ножки которого сходились в центре, а вокруг него широкие удобные кресла, тоже покрытые чехлами, и на них никто, кроме серьёзных почтенных людей, не саживал. Напротив висело колоссальной величины зеркало, будто поддерживаемое миниатюрным мраморным столиком, на котором, под большим стеклянным колпаком стояли часы, хода которых никто никогда не слышал, и они нам казались волшебными и мы их боялись. Канделябры по стенам, масса безделушек и антикварных вещей – всё это стояло, валялось, лежало в стройном порядке, на оригинальных турецких столиках. Пол был застлан толстым ковром, чтобы не слышно было шагов, и это делало гостиную ещё более таинственной в наших глазах.

Когда мы вошли, отец раскрыл ставни, потом снял с фортепьяно шкатулку из красного дерева и сел с ней в кресло. Мы с любопытством осмотрели все углы. Что-то большое лежало на диване. Раздался звон ключей в руках отца и это привлекло нас к нему. Мы стали сзади и, обняв его, во все глаза глядели в раскрытую шкатулку, с которой отец всё ещё возился, а он, довольный, отмахивался от нас, и что-то прятал в руках.

– Посмотрим, – говорил он, – что здесь такое. Э, ну, Павел; так нельзя! Николай, успокой, ради Бога, Павла Павловича: ведь он меня задушит.

Я, действительно, повис у него на шее, и он, смеясь, барахтался со мной.

– Покажи же, папа, – не выдержал и Коля, – Павка, не мешай.

– Ишь ты, нетерпеливый какой, – смеялся отец, – вот нарочно же не покажу... Учись, Николай, терпению.

Но тут он так слабо стал защищаться, что я легко разнял его руки, и на колени упали два превосходнейших самолова.

Было трогательно и чудесно. Мы с Колей застыли от восторга при виде этих восхитительных подарков, которые как бы сияли своей чистотой и невинностью, а отец, точно не замечая,

что делалось на наших лицах, небрежно объяснял назначение каждой части самолета, при чём ковёр изображал море, а его ключи – рыбу.

– Теперь посмотрим, что в пакете на диване, – произнёс он после того, как ключи раз двадцать с торжеством были им пойманы.

Он привёл самолёты в порядок и отдал их нам. Потом достал пакет и, когда развернул его, то в нём оказалась сетка. Коля с любопытством осмотрел сетку и задумчиво произнёс:

– Этой сеткой хорошо ловить бабочек.

– Мы и будем ловить, – вмешался отец, – но не бабочек, а червячков. Ты увидишь, Коля, как мы это устроим с лодки. Теперь ступайте играть. Я распорядюсь пока, а после завтрака и поедем.

Он добродушно улыбнулся, довольный, что сделал нас счастливыми и опять повторил:

– Ну, ступайте же, молодцы, – только смотрите, не перепачкаться.

Мы с оживлением вылетели из гостиной, чуть не сбили с ног Машу и очутились во дворе. Теперь огромная голубятня отца, величиной с большую комнату, была открыта, и прелестные птицы, которых мы так любили, сидели на крыше, ходили по двору, перелетали. С каким бы удовольствием пугнули мы милых голубей, чтобы увидеть, как от их стаи потемнеет во дворе. Но суровый Андрей стоял тут же, разбрасывая корм, и мы не решались на это.

Андрей признавал только власть отца, и с ним было страшно шутить. Как милости приходилось выпрашивать у него позволения осмотреть голубятню. Чудно как-то Андрей был предан отцу. Казалось нам, что он мог пойти ради него на смерть; казалось, какая-то тайна связывала их. Вспоминается неясно, будто отец его спас от несчастья, или удержал от преступления, – и, когда он появился в нашем доме, то был уже сильно предан отцу. Появился он с Белкой, у которой задняя нога была прострелена, и стал с первой же минуты правой рукой в доме. Он был конюхом, но на его руках лежал и присмотр за зимней кладовой, за голубятней, двором; ездил он и по делам отца, – ему доверялись большие суммы. Но у него был порок, который, однако, в наших глазах даже украшал его. Он любил жестоко запивать и, когда наступал этот день, он становился недобрым и хмурым, как тёмная ночь, прятался в конюшне с Белкой, и странные речи доносились к нам оттуда. Отец в эти дни никому не позволял его тревожить. Сам же он заходил к нему ежедневно, разговаривал долго и ласково, но властным голосом, а тот, свесив голову и крутя казацкий седой ус свой, внимательно слушал. Чудной казалась нам эта картина, смысла которой мы не понимали, а вера в силу и могущество отца подавляла наше воображение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.